

Казаков, М. М. Последний период религиозного мира в Римской империи / М. М. Казаков // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 99-102.

М. М. Казаков

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД РЕЛИГИОЗНОГО МИРА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

После смерти императора Константина, предоставившего христианству легальный статус и возможности для дальнейшего распространения и развития, линия обращения Римской империи в христианство оказалась зигзагообразной и неровной. Применительно ко времени от Константина до Феодосия можно говорить не о религиозной политике Римской империи, а о религиозных политиках римских императоров. Однако греко-римский мир предпринял большой и необратимый шаг к христианскому государству. За это время христианская церковь сумела еще больше укрепиться и расширить свое влияние, а, главное, приобрести множество новых сторонников. Эти четыре десятилетия оказались временем накопления «критической массы», которая должна была вызвать мощные импульсы для христианизации в последние два десятилетия IV столетия.

Решительный разрыв с религиозной политикой императора Юлиана, предпринявшего короткую, но яркую попытку возродить значение римского язычества в Римской империи, произошел сразу. Император Иовиан отменил все антихристианские мероприятия своего предшественника, восстановил почти в полной мере привилегии христиан, существовавшие до Юлиана, и вернул тех, кто был сослан «за не отступление от благочестия». Важным актом Иовиана было издание эдикта о веротерпимости, в котором гарантировалась безопасность отправления старинных обрядов. Никаких репрессивных мер в отношении язычества предпринято не было. Сменивший Иовиана, правившего менее года, Валентиниан I открыл своим правлением последний период «религиозного мира».

Хотя новый император, по свидетельству христианских источников, был ревностным христианином и одним из немногих, сосланных за веру Юлианом, внешняя опасность со стороны варваров, внутренняя нестабильность в империи и противодействие язычников христианизации, которую серьезно пошатнуло правление Юлиана, заставили его вернуться к веротерпимости, которая стала основным принципом его религиозной политики.

В отношении христианства Валентиниан действовал довольно сдержанно. Он снова разрешил христианским учителям преподавать

в школах, подтвердил христианские иммунитеты и привилегии, запретил ставить воинов-христиан на посты около языческих храмов, а также постановил не принуждать христиан к участию в гладиаторских играх. Однако Валентиниан I никогда не соглашался давать христианам привилегии, которые могли бы противоречить интересам государства», и издал ряд законов, даже ограничивающих их права. Так, было ограничено право убежища, возвращены в курии лица, вступившие в клир, чтобы

избежать муниципальных обязанностей, обложены налогом клирики, занимавшиеся торговлей. Наконец, был издан закон, запрещающий клирикам посещать дома вдов и сирот и объявлявший недействительными их завещания в пользу духовных лиц.

Политика веротерпимости Валентиниана I распространялась и на внутрицерковные дела. Император считал, что государство не должно вмешиваться в церковные споры, и сам терпимо относился ко всем христианским течениям, не отдавая явного предпочтения ни одному из них. Мало того, Валентиниан I стремился воздерживаться от участия в разбирательствах между епископами и предписал законами, что в деле веры должен судить кто-либо из церковного звания.

Язычество при Валентиниане I не подвергалось каким-либо серьезным ограничениям и притеснениям, и политика по отношению к древней религии определялась в первую очередь заботой императора о внутреннем мире в государстве и идеей веротерпимости. Хотя Валентиниан отобрал у языческих храмов имущество, возвращенное им Юлианом, он не отдал его прежним владельцам — христианским церквям, а присоединил все к государственным владениям. Подтвердив легальный статус язычества, Валентиниан, тем не менее, возобновил упраздненные Юлианом законы против тайных жертвоприношений, гаданий, предсказаний судьбы и приказал строго применять их, а также приравнял магические обряды к тяжким преступлениям.

В целом же религиозная политика Валентиниана I вызывала одобрение, как христиан, так и язычников. Аммиан Марцеллин характеризует ее такими словами: «Славу его правления составляет та сдержанность, с какой он относился к религиозным раздорам; никого он не задевал, не издавал повелений почитать то или другое и не заставлял своих подданных по строгому принуждению склоняться перед тем, во что верил сам, и эти дела он оставил в том положении, в каком их застал». Некоторые христианские авторы пытались объяснить терпимость Валентиниана I по отношению

к язычеству тем, что он будто бы не знал, что языческие обряды еще отправлялись.

Валентиниан был человеком малообразованным и не имеющим большой склонности к религии, хотя, вероятно, его приверженность к христианству была прямой и искренней. Основу его характера составляла скромная суровость воина, блиставшего храбростью на полях сражений, но не умеющего использовать хитрость и дипломатию, когда этого требовали государственные нужды. «Он имел такую страсть причинять страдания, — отмечает Аммиан, — что никогда никого не избавил от смертной казни... Он сгорал до глубины души завистью и, зная, что многие пороки принимают внешний вид добродетели, постоянно лицемерно твердил, что строгость есть союзница истинной власти. Он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один выделяется среди всех». Под конец жизни суровость Валентиниана переросла в свирепость, так как он поставил рядом со своей спальней клетки с двумя медведицами, охочими до людей и с удовольствием смотрел на сон грядущий, как они разрывают на части преступников, а его строгость развила в нем такую вспыльчивость, что один из припадков гнева во время переговоров с послами варварских племен в 375 г. свел его в могилу.

Валентиниан превыше всего ставил государственные интересы, и, вследствие этого его религиозная политика находилась в контексте общей политики умиротворения Римской империи — внешнего и внутреннего. И это умиротворение требовало и мира религиозного, что и вылилось в принцип веротерпимости.

Таким образом, от терпимости Константина через крайности Констанция и Юлиана, испытав явный зигзаг, религиозная политика Римской империи вновь

вернулась к терпимости Валентиниана I. Однако это совсем не означало, что вернулось то же положение, как было при Константине. Если веротерпимость творца Миланского эдикта имела целью расширить социальную базу его режима, лишь открывая возможности для христианства, то веротерпимость Валентиниана I означала уже реализацию этих возможностей церковью за прошедшие полвека и отражала примерное равновесие сил между язычеством и христианством. Сам Валентиниан был вынужден учитывать это равновесие в своей религиозной политике и не решился изменить баланс в пользу одной из религий, хотя и испытывал явную склонность к христианству. Он стоял над противоборствующими сторонами, глядя далеко на римские границы, где собирались темные облака варварской угрозы.

В отношении церковного единства период религиозного мира при Валентиниане оказался исключительно благоприятным. Твердая линия на недопущение внутрицерковных споров способствовала тому, что лидеры и члены различных христианских течений вынуждены были воздерживаться от взаимных обвинений и оскорблений, и, таким образом, научились жить в мире. Следует отметить, что религиозная политика римских императоров далеко не всегда определялась в IV в. реальным положением религий в государстве. Она во многом зависела от личных настроений того или иного Императора или его ближайшего окружения. Законы Римской империи в отношении религий чаще всего пытались регламентировать их положение в приемлемом для данного императора духе. И все же, очень важно отметить тот факт, что ни один из императоров не решился полностью отдать предпочтение той или иной религии, обеспечивая ее безусловный авторитет и ставя в ущербное положение другие религии. Вместе с тем, каждый из императоров вносил свой вклад в формы их сосуществования, давая возможность последователям использовать этот опыт, как положительный, так и отрицательный, в своей политике. Таким образом, можно утверждать, что ко второй половине IV в. религиозная политика стала окончательно определяться интересами Римской империи, а не личными пристрастиями того или иного императора и их окружения. Главным выводом из периода относительной веротерпимости от Константина до Валентиниана I является то, что ни одна из религий, как бы ни относились к ней правители Римской империи, не получила полного приоритета.